

ЗАМѢТКИ СТАРАГО КАВКАЗЦА

О ВОЕВОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НА КАВКАЗѢ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА БАРОНА ГРИГОРІЯ ХРИСТОФОРОВИЧА ЗАССА.

(Сырой матеріалъ для исторіи покоренія Кавказа).

Генералъ-лейтенантъ баронъ Григорій Христофоровичъ Зассъ, будучи полковникомъ, назначенъ въ 1833 году начальникомъ Баталпашинскаго кордоннаго участка на кубанской линіи. Такъ какъ непокорныя горы жили въ вершинахъ рѣкъ большаго и малаго Зеленчуговъ, по Урупу и на обонхъ теченіяхъ включительно до рѣки Лабы, то Баталпашинскій участокъ былъ самымъ опаснымъ на кубанской линіи, вслѣдствіе безпрестанныхъ набѣговъ горцевъ.

Бывшій въ то время командующимъ войсками кавказской и черноморской линій, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, зная личную храбрость полковника Засса и его рѣшительный и неустрашимый характеръ, отозвалъ Засса съ сунженской линіи, гдѣ онъ командовалъ Моздокскимъ казачьимъ полкомъ, и, назначивъ начальникомъ сказаннаго участка, предоставилъ ему право, для обезпеченія кордонной линіи отъ набѣговъ горцевъ, дѣйствовать по своему личному усмотрѣнію, безъ особаго предварительнаго разрѣшенія начальника кубанской линіи. Прибывъ къ мѣсту новаго назначенія, полковникъ Зассъ пашелъ въ Баталпашинскомъ кордонномъ участкѣ слѣдующія войска, на сколько могу припомнить: Хоперскій казачій полкъ, два донскихъ казачьихъ полка, штабъ-квартиры которыхъ находились: перваго въ станицѣ Невинномысской, а втораго въ станицѣ Баталпашинской; Навагинскаго пѣхотнаго полка 1-й баталіонъ, расположенный въ станицахъ поротно. Штабъ-квартира полковника Засса была въ станицѣ Невинномысской, какъ центральной по протяженію кордона;

тутъ же находилось и главное приставство падъ мирнымъ погайцамъ и абазпцамъ, жившимъ аулами по лѣвому берегу р. Кубани и частью на правомъ, въ тохтамышевскихъ и въ лоовскихъ аулахъ. Самыя станицы и жизнь казаковъ, при вступленіи полковника Засса въ начальствованіе Баталпашинскимъ участкомъ, находились въ слѣдующемъ положеніи: станицы были обнесены кругомъ двойнымъ плетнемъ, пустое пространство между которымъ, въ аршинъ шириною, было засыпано землею; въ образовавшихся такимъ образомъ фасахъ укрѣпленія были прорѣзаны бойницы и на четырехъ углахъ расположены батареи. Жители выходили на работы внѣ станицъ только днемъ, около 9 часовъ утра; скотъ выпускался около того же времени, когда резервы, предварительно объѣхавъ по Кубани все броды и заглянувъ въ балки, доносили, что все обстоитъ благополучно. Полевые работы и пастба скота оканчивались за часъ до захожденія солнца и производились подъ особымъ прикрытіемъ изъ казаковъ или регулярныхъ войскъ. Въ туманную погоду работъ за станицей вовсе не было, потому что горцы, пользуясь мглой, могли неожиданно напасть на рабочихъ или угнать стада. На ночь ворота станицъ запирались и никто не выпускался. Такъ было въ обыкновенное время, т. е. пока не получалось извѣстія о сборѣ непріятеля въ верховьяхъ рр. Лабы или Урупа. Съ полученіемъ такихъ свѣдѣній, по всей кордонной линіи въ станицахъ бдительность усугублялась, разъѣзды увеличивались. Жители на работы изъ станицы не выпускались; на почѣ дѣлались по улицамъ баррикады изъ телегъ и т. п. Въ такомъ напряженномъ состояніи станицы проводили иногда цѣлыя недѣли.

Полковникъ Зассъ, увидѣвъ грустную картину ввѣреннаго ему участка, прострившагося отъ каменнаго моста у самаго Карочая до станицы Николаевской, немедленно принялъ рѣшительныя мѣры къ устраненію многихъ неудобствъ: передвинулъ на другіе пункты нѣкоторые посты, распредѣлялъ почные секреты на бродахъ, приказалъ перекопать лишніе дороги, ведущія чрезъ лѣсъ къ Кубани, и, уменьшивъ такимъ образомъ расходъ казаковъ, получилъ возможность образовать сильные резервы во всехъ станицахъ и на нѣкоторыхъ промежуточныхъ постахъ. Послѣ этихъ распоряженій, собравъ легкій отрядъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и восьмисотъ казаковъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ, баронъ Зассъ отправился обозрѣть мѣстность за Кубанью, считавшуюся непріятельскою, съ цѣлью ознакомиться со всѣми балками и скрытыми мѣстами, лежавшими по линіи противу

его кордона, пробираясь по которымъ, горцы могли дѣлать внезапныя нападенія на линію.

Замѣтивъ давно невиданныя за Кубанью русскія войска, такъ смѣло двигавшіяся вблизи ихъ жилищъ, горцы собрались въ большихъ массахъ съ тѣмъ, чтобы отрѣзать намъ путь отступленія. Въ это время нашъ отрядъ былъ на плоскостяхъ Зеленчуга, недалеко отъ Кубани.

Баронъ Зассъ, оставивъ двѣ роты въ засадѣ на Зеленчугѣ въ лѣсной балкѣ, съ кавалеріей при двухъ конныхъ орудіяхъ, продолжалъ движеніе. Когда непріятель ринулся всюю массою къ отряду, Зассъ остановился и приготовился къ атакѣ, приказавъ, послѣ двухъ сигнальныхъ выстрѣловъ изъ орудій, всему отряду, кромѣ резерва, броситься на непріятеля въ шашки и гнать горцевъ къ Зеленчугу. Казаки, воодушевляемые своимъ новымъ храбрымъ начальникомъ, безъ выстрѣла врѣзались въ толпы непріятеля. Линейцы, съ шашками въ рукахъ, рубили горцевъ направо и налѣво, а донцы кололи пиками. Чрезъ полчаса схватки непріятель бросился къ Зеленчугу, желая укрыться въ лѣсу, но жестоко ошибся: двѣ роты павагинцевъ, подъ начальствомъ капитана Левашова, встрѣтили бѣгущихъ выстрѣлами; горцы окончательно смѣшались и разсыпались въ разныя стороны по лѣсистымъ и крутымъ балкамъ Зеленчуга искать спасенія.

Результаты этого дѣла были самыя блестящія: первое, вполне удачное для насъ столкновеніе съ горцами подъ предводительствомъ новаго начальника, показавшаго чудеса храбрости, хладнокровія и распорядительности, возвысило духъ казаковъ, убѣдившихся, что съ полковникомъ Зассомъ побѣда всегда останется на ихъ сторонѣ, и что съ нимъ они будутъ грозою для горцевъ и отобьютъ у нихъ охоту дѣлать набѣги на казачьи станицы; второе, горцы уже поняли, что при баронѣ Зассѣ, не рискуя головою, опасно дѣлать набѣги на нашу сторону Кубани.

Ознакомившись подробно съ мѣстностью на лѣвой сторонѣ р. Кубани, полковникъ Зассъ отдалъ приказъ такого содержанія:

«Предписывается участковымъ, кордоннымъ и станичнымъ начальникамъ резервовъ, равно усиленнымъ постамъ, по данному сигналу о тревогахъ, отнюдь не скакать на мѣсто, откуда данъ сигналъ, ибо непріятель не будетъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ открытъ, а отыскивать его особенно въ ночное время очень трудно; по для того, чтобы не потерять изъ виду хищниковъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ слѣдовъ, постовыя команды, въ случаѣ невозможности, по причинѣ малочисленности вступить въ открытый бой, обязаны

преслѣдовать впѣ выстрѣла; резервы мирныхъ погачевъ, по тревогѣ или особому извѣщенію, обязаны немедленно присоединяться къ постовымъ командамъ для преслѣдованія непріятеля, а главные резервы станицъ должны скакать за Кубань на указанные пункты, дабы стать на пути отступленія хищниковъ и поставить ихъ такимъ образомъ между двухъ огней».

Этимъ распоряженіемъ баронъ Зассъ, въ теченіе полугода, отучилъ горцевъ отъ вторженія на линію незначительными партіями, отъ пятидесяти до двухъ сотъ человекъ. Большія сборища вообще бывали рѣдко; объ нихъ Зассъ всегда узнавалъ отъ лазутчиковъ за нѣсколько дней и предупреждалъ нападеніе хищниковъ, самъ нападал на нихъ и разбивал на-голову, если они не отступали заблаговременно. Жители станицъ, огражденные отъ внезапныхъ вторженій непріятеля, начали безъ страха заниматься полевыми работами и ѣздить по линіи во всякое время дня и ночи, принимая только предосторожность противъ нападенія 5—10 человекъ хищниковъ, которые поодиночкѣ могли пробираться въ наши предѣлы, несмотря ни на какую бдительность казачьихъ постовъ.

Полковникъ Зассъ не ограничивался одной пассивной обороной линіи, но дѣлалъ смѣлые набѣги на горскіе непокорные аулы. Набѣги эти всегда были удачны при самой незначительной потерѣ для нашихъ войскъ; непріятель же всякій разъ, при взятіи аула, несъ чувствительный уронъ убитыми и плѣнными; да кромѣ того жители разоренныхъ ауловъ лишались всего имущества, лошадей, рогатаго скота и барановъ.

Въ 1833 году, всѣ горы, жившіе до р. Лабь: кабардинцы, бесленевцы, багоевцы и медовеевцы, поселившіеся въ истокахъ рр. Зеленчуговъ и Урупа, просили Засса о мирѣ, выдавали аманатовъ и переселялись на указанные имъ плоскія, во всякое время доступныя мѣстности.

Въ 1835 году полковникъ Зассъ былъ утвержденъ начальникомъ кубанской линіи и перѣхалъ жить въ кр. Прочный Окопъ. Съ новымъ назначеніемъ для барона Засса открылся весьма обширный кругъ дѣятельности; впрочемъ, надо замѣтить, что онъ, предвидя это, заблаговременно составилъ планъ для огражденія и успокоенія очень значительной линіи прочно-окопскаго кордоннаго участка, простиравшейся отъ станицы Николаевской до границы Черноморскаго Войска. Для усиленія прочноокопскаго отряда баронъ Зассъ перевелъ изъ Баталпашинскаго участка баталіонъ Навагинскаго полка въдобавокъ къ теплинскому баталіону. Такимъ образомъ, выѣстъ съ че-

тырмыа казачьими полками (Ставропольскимъ, Кубанскимъ, Хоперскимъ и однимъ Донскимъ) Зассъ считалъ подъ своимъ начальствомъ чуть-ли не цѣлую армію, способную завоевать весь Кавказъ.

Сосредоточивая отряды въ полтора баталіона пѣхоты и до двухъ тысячъ казаковъ, Зассъ дѣлалъ отчаянно-смѣлыя движенія далеко въ непріятельскую землю. Покоривъ русскому оружію всѣхъ бѣглыхъ кабардинцевъ и выселивъ ихъ изъ-за Лабы на р. Теберду и на вершины Зелепчуговъ, полковникъ Зассъ привелъ въ покорность все беслепеевское племя, махашевцовъ, казипбековцовъ, тамовцовъ, чингиреевцовъ, баракаевцовъ, егуркаевцовъ и темиргоевцовъ, поселивъ ихъ въ аулахъ на доступныхъ и удобныхъ для хозяйства мѣстностяхъ.

Обезпечивъ кубанскую линію отъ набѣговъ племенъ, считавшихся мпрными, жившихъ въ мѣстностяхъ между рѣками Кубанью и Лабою, баронъ Зассъ началъ самъ дѣлать набѣги за рѣку Бѣлую, въ верховья рѣки Пшехи, на аулы по Пшехѣ, и въ курджипское ушелье, гдѣ жили абадзехи.

Заручившись надежными и смѣтливymi лазутчиками, баронъ Зассъ не только предупреждалъ всегда вторженія хищническихъ партій въ наши предѣлы, по всей линіи ввѣренной его начальству, но и никогда не допускалъ, чтобы партіи успѣли стянуться къ условному пункту. Какъ только узнавалъ онъ, что партія собирается, немедленно составлялъ отряды, лично велъ въ извѣстный ему заранее мѣста и разбивалъ па-голову сборище горцевъ.

Линейные казаки и казачки, какъ извѣстно, отъ колыбели привыкаютъ слышать рассказы о подвигахъ храбрости и самоотверженія своихъ отцовъ, братьевъ, мужей. Едва-ли есть станица, въ которой не увѣковѣчена память одного или нѣсколькихъ станичниковъ, обезсмертившихъ себя своими подвигами. При всемъ томъ, Зассъ представлялся даже линейнымъ казакамъ человѣкомъ сверхъестественной храбрости, героемъ безпримѣрнымъ, подъ начальствомъ котораго можно разбить непріятеля, хотя бы опъ въ тысячу разъ былъ сильнѣе.

Въ станицахъ линейныхъ казаковъ было сложено множество пѣсень, въ которыхъ воспѣвались подвиги барона Засса. Что же касается горцевъ, то между ними одно имя Засса наводило паническій страхъ: матери пугали имъ своихъ дѣтей. Для примѣра расскажу одинъ изъ множества случаевъ, который даетъ попятіе о томъ, какой ужасъ наводило одно имя Засса на цѣлыя партіи вооруженныхъ горцевъ.

Въ 1835 году, при постройкѣ Зассовскаго укрѣпленія, лазутчикъ далъ знать, что сборище горцевъ, до двухъ тысячъ человѣкъ, пробирается у самой подошвы горъ по направленію Баталпашинской станицы, намѣреваясь напасть на станицу Беклеевскую или Бергустапскую Волжскаго полка; если же не удастся успѣть въ этомъ, то, по крайней мѣрѣ, угнать скотъ и лошадей.

Подковникъ Зассъ въ то время былъ сильно боленъ лихорадкою, но, несмотря на болѣзнь, рѣшился лично вести отрядъ, для прегражденія хищникамъ дороги. Съ этою цѣлію онъ взялъ одну роту пѣхоты и до пяти сотъ казаковъ при двухъ конныхъ орудіяхъ, послалъ «цидулку» баталпашинскому кордону объ угрожающей опасности и отправился навстрѣчу непріятелю; но партія прошла впередъ ранѣе почти цѣлыми полусутками и спряталась въ крутую лѣсистую балку.

Подковникъ Зассъ послалъ вѣрнаго своего лазутчика, Каримъ-Хадила, разузнать: въ какомъ числѣ и куда пошла партія. Къ вечеру Каримъ-Хадилъ привезъ свѣдѣнія, что сборище пошло по направленію къ Баталпашинской, какъ было уже извѣстно, и будетъ возвращаться непременно чрезъ псемеловскій лѣсъ къ толновскому аулу. Когда смерклось, баронъ Зассъ двинулся дальше. Въ полночь Каримъ-Хадилъ попросилъ остановить отрядъ, а самъ поѣхалъ разузнать, вернулось-ли сборище. Чрезъ часъ Каримъ прискакалъ и далъ знать, что партія, въ громадномъ числѣ, остановилась уже почевать на самой Лабѣ, у псемеловскаго лѣса, близъ талповскаго аула. Отрядъ немедленно тронулся, но когда поднимались на гору, чтобы, перейдя ее, войти въ псемеловскій лѣсъ, на сакму (слѣдъ) непріятеля, въ то время два орудія и прикрывавшая ихъ рота пѣхоты и сотня казаковъ отстали, взявъ совсѣмъ другое направленіе къ рѣкѣ Лабѣ. Ночь была темная, а потому это было замѣчено только тогда, когда мы спустились съ горы къ псемеловскому лѣсу и остановились отдохнуть.

Лазутчикъ Каримъ-Хадилъ, видя малочисленность нашего отряда сравнительно съ сборищемъ горцевъ, просилъ барона Засса вернуться, пока есть возможность, и соединиться съ отсталыми войсками; но баронъ Зассъ и слышать не хотѣлъ объ отступленіи.

Казаки двинулись чрезъ лѣсъ полнымъ шагомъ, такъ какъ разсвѣтъ былъ уже близокъ. Когда сдѣлалось возможнымъ различать предметы, непріятель, расположившійся на почлегъ, былъ отъ насъ не болѣе какъ въ верстѣ. Мы пошли рысью. Вдругъ лазутчикъ, хлопнувъ плетью по своей лошади, неожиданно, какъ стрѣла, умчался къ партіи горцевъ.

Зассъ въ недоумѣніи приостановилъ отрядъ и сказалъ: «Казаки! намъ, можетъ быть, измѣнили, по, во всякомъ случаѣ, отступленія со мною пѣтъ, не было и не будетъ. Одна храбрость и быстрота можетъ насъ спасти; перекрестимся же, братцы, и маршъ—маршъ на непріятеля!» Съ этими словами Зассъ хлопнулъ пагайкой лошадь, выхватилъ шашку и понесся впередъ; за нимъ, съ крикомъ «ура!» и съ гиканьемъ, понеслись казаки. Подскакивая къ самой партіи, услышали выстрѣлъ и какъ будто сигнальный крикъ; затѣмъ всѣ горцы вскочили почти одновременно и бросились къ лошадямъ, по казаки, съ крикомъ «ура!» и съ гиканьемъ, беспощадно рубили непріятеля, разсыпавшагося то поодионокъ, то по нѣскольку человекъ въ разные стороны. Преслѣдованіе продолжалось часа три, и тогда только казаки собрались къ резерву. Пораженіе непріятеля было полное: убито и рапено горцевъ множество, отбито до двухсотъ лошадей съ сѣдлами, много оружія и освобождены захваченные въ плѣнъ донскіе казаки.

Справедливость требуетъ сказать, что этимъ успѣхомъ баронъ Зассъ немало обязанъ своему любимцу Каримъ-Хадилу. Послѣдній, замѣтивъ, что баронъ ни за что не отступитъ, рѣшился на отчаянный подвигъ, дабы приготовить успѣхъ. Каримъ влетѣлъ въ среднюю спавшаго на зарѣ сборнища, выстрѣлилъ изъ пистолета—этотъ-то выстрѣлъ мы и слышали—и закричалъ во все горло отчаяннымъ голосомъ: «Что вы спите! Зассъ! Зассъ! Зассъ!... Онъ съ несмѣтною силою надъ вашими головами, бѣгите и спасайтесь кто куда можетъ!»

Отъ этого молодецкаго дѣла даже самъ баронъ Зассъ былъ въ восторгѣ; онъ благодарилъ казаковъ, обнялъ своего любимца Каримъ-Хадилу и расцѣловалъ его при всемъ отрядѣ.

Цельзя не замѣтить, что генералъ Зассъ, по своей паружности, характеру, складу ума, находчивости, рѣшительности, умѣнию впуштить къ себѣ уваженіе и страхъ въ горцахъ, любовь казаковъ и солдатъ, былъ рожденъ собственно для партизанской боевой жизни, а потому я считаю умѣстнымъ, на сколько сумѣю, очертить вѣншія и внутреннія качества барона Засса, и затѣмъ буду продолжать рассказъ о дѣйствіяхъ его на кубанской линіи.

Баронъ Григорій Христофоровичъ, въ то время, къ которому относятся эти замѣтки, имѣлъ семь рапъ, полученныхъ въ сраженіяхъ и на дуеляхъ, хромалъ отъ раны на одну ногу, но былъ крѣпкаго тѣлосложенія, силенъ, подвиженъ; лицо его было выразительное, энергичное; глаза пріятные, быстрые, проникательные; длинные

русые усы, доходившіе до груди; характеръ жпвой, воспримчивый, вспыльчивый, по добрый, веселый и въ высшей степени рѣшительный; сила воли непреклонная и храбрость, непризнававшая никакихъ опасностей. Баронъ Зассъ не любилъ оставаться одинъ, а потому всѣ офицеры, въ особеннпости молодежь, ежедневно у него обѣдали и проводили остатокъ дня въ веселыхъ, откровенныхъ разговорахъ. Встрѣчаясь, такимъ образомъ, постоянно съ своими подчиненными, баронъ Зассъ имѣлъ возможность ознакомиться съ характеромъ, способностями и умомъ каждаго офицера, и безошибочно давалъ каждому назначеніе во время экспедицій и пабѣговъ. Онъ зналъ, кого назначить въ цѣль, кого послать на разведку, кого употребить на самую отчаянную атаку и кого оставить въ вагенбургѣ.

Вообще, баронъ Зассъ былъ человѣкъ очень популярный и большой хлѣбосоль, по не особенный гастрономъ: обѣды у него были всегда простые, однако сытные. Отправляясь въ походъ, онъ бралъ десятокъ и болѣе верблюдовъ, павьюченыхъ съѣстными припасами, потому что въ походѣ у него продовольствовались не только всѣ штабные офицеры, но всякій, кто только не полѣнился придти въ его столовую кухню или къ раскинутому подъ деревомъ коври. Между тѣмъ, многіе, не знавшіе близко Засса, считали его человѣкомъ жестокимъ, чуть не варваромъ, забывая, что онъ имѣлъ дѣло съ полудикими воинственными горцами, которые уважаютъ одну лишь силу, храбрость, крутыя мѣры и нѣкоторые принятые у нихъ самихъ обычаи, немислимые въ европейской войнѣ, какъ, напримѣръ, отрубать у убитыхъ непріятелей головы и выставлять на шесты, что дѣлалъ и баронъ Зассъ въ первый годъ прибытія своего на кубанскую линію, подчинялся пословицѣ: «съ волками жпть, по волчьи быть».

Намъ сознавался одинъ господинъ Ѳ*, который былъ разжалованъ за дуель изъ гражданскихъ чиновниковъ въ рядовые, и присланъ въ отрядъ къ барону Зассу для того, чтобы скорѣе имѣть случай отличиться въ военныхъ дѣлахъ, что, подготовленный слухами о жестокости этого начальника, онъ приходилъ въ ужасъ отъ одной мысли, что попалъ именно въ его руки. Тѣмъ не менѣе, надобно было явиться. Къ крайнему удивленію, генералъ Зассъ принялъ г. Ѳ* очень ласково и добродушно, спросилъ, гдѣ онъ остановился, и, узнавъ, что вновь-прибывшій не имѣетъ еще квартиры, предложилъ перепочевать въ своемъ домѣ. Прінявъ съ признательностью это предложеніе, по, не слишкомъ довѣряя добротѣ барона, Ѳ* велъ себя весьма осторожно весь вечеръ, пока разошлись спать. Въ домѣ отдѣльныхъ комнатъ не было, а потому для Ѳ* пригото-

вили постель въ гостиной, гдѣ у каждаго окна вѣсилъ клѣтки съ канарейками. Зассъ любилъ птицъ и самъ занимался ими. Рано утромъ, на другой день, онъ, въ однихъ чулкахъ, тихонько вошелъ въ гостиную, чтобы не разбудить гостя, сталъ перемѣнять въ клѣткѣ воду и подсыпать кормъ. Г. Ө°, спавшій очень чутко, проснулся и видѣлъ все это, притворившись спящимъ и размышляя съ самимъ собою: «итъ, не можеть быть, чтобы человекъ, любящій птичекъ, былъ варваромъ....» Ознакомясь ближе съ барономъ Зассомъ, г. Ө° вполне увѣрился въ этомъ, и впоследствии откровенно рассказывалъ о своемъ предубѣжденіи, основанномъ на слухахъ совершенно ложныхъ.

Солдаты и казаки не только любили Засса, но обожали его, не смотря на то, что онъ безпощадно мучилъ ихъ большими переходами. Часто приходилось въ ночь пройти до 70 верстъ и болѣе, чтобы успѣть придти до разсвѣта къ аулу, на который предполагалось сдѣлать нападеніе. При ночныхъ движеніяхъ, въ отрядѣ наблюдалась тишина мертвая: не позволялось ни курить, ни разговаривать громко; артилерійскія орудія и обозъ обматывали колеса сѣномъ или травой, но это дѣлалось рѣдко, потому что тяжести возились почти всегда на вьюкахъ. Часто ночью баронъ Зассъ со свитою останавливался на какомъ нибудь пунктѣ и пропускалъ мимо себя отрядъ, любуясь его тишиною и смѣлостью переправы въ бродъ, въ особенности пѣхоты, черезъ рѣки Лабу и Бѣлую. При высокой водѣ, казаки переправляли пѣхоту, сажая солдата сзади себя на лошадь, съ ружьемъ и мѣшкомъ сухарей.

Баронъ Зассъ, понимая вполне, что быстрота и внезапность нападенія на горцевъ лучшія ручательства за успѣхъ при набѣгахъ на хищническіе аулы, всегда старался брать какъ можно меньше артилеріи и пѣхоты, а въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было сдѣлать особенно-быстрое движеніе, ограничивался однимъ линейными и допскими казаками. Нагрянувъ на разсвѣтъ на хищническій аулъ, когда всѣ жители спали крепкимъ сномъ, не чуя бѣды, войска наши начинали рубить и колоть спасавшихся бѣгствомъ въ разныя стороны, въ лѣса и балки, горцевъ, забравъ въ плѣнъ жепъ и дѣтей ихъ, неуспѣвшихъ скрыться. Затѣмъ, заимавъ скотъ, оружіе и вещи, которыя можно было унести или увезти, и зажегши аулъ со всѣхъ сторонъ, отрядъ отступалъ, при сильной перестрѣлкѣ съ очнувшимся непріателемъ и сбѣжавшимися на помощь изъ сосѣднихъ ауловъ горцами.

По окончаніи дѣла, люди, наканунѣ браппившіе Засса за непослѣдствительные изнурительные переходы, называвшіе его «хромымъ бѣсомъ»,

забывали всѣ труды и лишенія, и когда этотъ самый «хромой бѣсъ», хорошо знавшій любовь къ нему казаковъ, обращался къ нимъ съ вопросомъ: «Я васъ, братцы, кажется, черезъ-чуръ проморилъ? Что же дѣлать: вы видите самъ, куда прогдѣтый черкесъ забрался жить!» люди отвѣчали: «намъ не привыкать хаживать; съ вами мы никогда не чувствуемъ усталости.»

Выйдя на открытую мѣстность, отрядъ останавливался на отдыхъ; раскладывались огни, вѣ выстрѣла, тоже утомленнаго преслѣдова-ніемъ непріятеля; казаки и солдаты выпивали котлы и варили кашу, получая обильныя порціи мяса изъ отбитаго скота. На bivуахъ, будто въ праздникъ, слышались пѣсни, веселые рассказы, остроты, шутки и прибаутки. Между тѣмъ, два-три часа отдыха пролетѣли; бьютъ подъемъ; отрядъ живо изготовился и начинаетъ отступать. Горцы открываютъ жаркую перестрѣлку и преслѣдованіе, стараются отомстить за пораженіе и разрушеніе аула, отбить плѣнныхъ и скотъ, по спова попадаютъ въ ловушку. Баронъ Зассъ приказываетъ сотнѣ казаковъ залечь въ засадѣ, а самъ съ отрядомъ начиняетъ быстро отступать. Горцы, привыкшіе думать, что быстрое отступление есть песомпѣнный признакъ трусости, соединяются въ массы и несутся въ атаку. Зассу того только и пужпо: онъ быстро поварачиваетъ свой отрядъ и, въ свою очередь, несетъ въ атаку на горцевъ, которые, послѣ мгновенной схватки, даютъ тылъ и мчатся къ лѣсу, по изъ лѣсу выскакиваютъ изъ засады казаки; тогда горцы, видя безвыходное положеніе, бросаются въ-разсыпную и уже больше не показываются.

Несмотря на безпрестанныя пораженія и разоренія ауловъ, горцы любили Засса за его храбрость и вѣрность въ данномъ словѣ. Они любили его также за словоохотливость, веселость и за шутки съ ними. Когда «купакъ» пріѣзжали къ нему въ гости, онъ показывалъ разные фокусы: волшебныя зеркала, панораму, электрическую машину, музыкальныя табакерки и тому подобное. Между множествомъ фокусовъ баронъ Зассъ показывалъ слѣдующій. Почетные гости изъ непокорныхъ горцевъ, пріѣзжая къ генералу, снимаютъ оружіе: шашку и пистолеты кладутъ въ залѣ на столѣ, ружья оставляютъ у своихъ оруженосцевъ. Баронъ Зассъ поручаетъ молодымъ офицерамъ, помощникамъ его во всемъ и даже въ самыхъ штучкахъ, выпутъ незамѣтно изъ пистолетовъ горцевъ пули и передать ему. По опочаніи серьезныхъ, дѣловыхъ разговоровъ, начинаютъ угощеніе, рассказы о молодечествѣ наѣздниковъ, о стрѣльбѣ и т. п. Вдругъ генералъ спрашиваетъ: «для чего вы посите за поясомъ пистолеты? вѣдь вы

не можете попасть изъ нихъ въ цѣль на десять шаговъ». Горцы спѣшатъ разувѣрить генерала, доказывая, что они стрѣляютъ изъ пистолетовъ такъ же хорошо, какъ и изъ винтовокъ. Тогда Зассъ проситъ кого нибудь изъ присутствующихъ горцевъ взять пистолетъ и выстрѣлить въ него, увѣряя, что пуля не попадетъ и не сдѣлаетъ вреда. Понятно, что никто не вѣритъ и не рѣшается стрѣлять; генералъ приказываетъ поставить свою шапку и предлагаетъ стрѣлять въ нее. Одинъ изъ гостей—горцевъ беретъ пистолетъ и стрѣляетъ, но шапка не шевельнулась, а пуля, незаметно брошенная Зассомъ въ моментъ выстрѣла, катится къ ногамъ стрѣлявшаго; тотъ поднимаетъ ее, видя, что пуля его и приходитъ въ ужасъ.... Затѣмъ стрѣляетъ другой, третій, четвертый и такъ далѣе, пока всѣ выстрѣляютъ изъ своихъ пистолетовъ такъ же неудачно, какъ первый. Не понимая продѣлки, горцы отъ недоразумѣннѣя переходятъ къ страху, а между тѣмъ Зассъ рассказываетъ анекдоты о сверхъестественной чародѣйской силѣ своей. Гости, привыкшіе видѣть въ немъ необыкновеннаго человѣка, отправляются домой, убѣдившись окончательно, что онъ дѣйствительно съ чертями водится. Всѣ эти, не болѣе какъ пустые, фокусы для образованнаго, развитаго человѣка, на полудикихъ горцевъ, родившихся и взрослыхъ въ предрассудкахъ и привыкшихъ всякое непонятное для нихъ явленіе относить къ колдовству или таинственной силѣ, производили огромное дѣйствіе; они признавали Засса чародѣемъ и называли его «шайтаномъ», т. е. чортомъ.

Однажды генералъ Зассъ, желая вознаградить за услугу одного лазутчика, Момтали, положилъ 12 червонцевъ въ пакетобразную бумагу, раздѣленную внутри пополамъ клеенной бумажной, и при многихъ постороннихъ горцахъ позвавъ Момтали, сказалъ ему: «Извини, я желалъ бы наградить тебя золотыми деньгами, да пѣтъ ихъ; но я покладую и поговорю съ невидимымъ чародѣемъ, который все для меня дѣлаетъ и, можетъ быть, изъ пороха твоего успѣю сдѣлать золотыя. Достань свой патронъ, насыпь вотъ въ эту бумажку—онъ показалъ конвертъ пустою стороною—немного зеренъ». Когда порохъ былъ насыпанъ, Зассъ при всѣхъ завернулъ его тщательно и приказалъ Момтали, не переводя духу, дуть въ бумажку. Горецъ дунулъ нѣсколько разъ; тогда генералъ сказалъ: «довольно, ты уже перевелъ духъ, успѣвъ дунуть двѣнадцать разъ»; за тѣмъ положилъ бумажку на столъ и, не торопясь, аккуратно развернулъ ее. Въ развернутой бумажкѣ блестяшіе повѣнькіе червонцы. Трудно описать до какой степени были удивлены и поражены горцы такимъ

чудомъ. Они сначала не хотѣли и боялись дотрогиваться до нечистаго золота; но потомъ каждый бралъ въ руки червонцы, пробовалъ ихъ пощипкомъ, звонилъ, положи на поготъ. Всѣ опыты увѣрили ихъ, что червонцы дѣйствительно золотые. Момтали взялъ монеты, завернулъ ихъ въ лоскутокъ и уѣхалъ домой. Молва объ этомъ быстро разнеслась въ горахъ. Горцы спѣшили рассказать другъ другу, что шайтанъ Зассъ изъ пороха дѣлаетъ золото. Когда узналъ о такомъ чудѣ темиргоевскій князь Шерлетуко, онъ потребовалъ къ себѣ Момтали и, выслушавъ его рассказъ, посмотрѣлъ червонцы. Убѣдился, что они изъ настоящаго золота, нимало не медля онъ пріѣхалъ къ генералу Зассу и съ первыхъ же словъ объявилъ зачѣмъ пріѣхалъ: «я видѣлъ сдѣланное тобою изъ пороха золото: умоляю тебя, научи меня этому искусству; я не боюсь чертей; за открытіе секрета возьми жепъ, дѣтей и все мое состояніе, только, ради аллаха, не откажи». Баронъ Зассъ увѣрилъ Шерлетуко, что можетъ превращать пороховъ въ золотыя монеты въ извѣстное время года при извѣстной планетѣ, а это время и планета прошли уже. Шерлетуко не забылъ сказаннаго и, спустя ровно годъ отъ дня, въ который получилъ червонцы, Момтали пріѣхалъ опять съ тою же просьбою, но и на этотъ разъ Зассъ отговорился разными загадочными предложениями.

Горцы, какъ извѣстно, выше всѣхъ качествъ чтятъ храбрость и удачи въ военныхъ дѣлахъ. По этому поводу расскажу слѣдующій случай.

Однажды генералъ Зассъ предпринялъ набѣгъ на тамовскій аулъ, который лежалъ въ ущельѣ Большой Лабы. Время было осеннее. Мы двинулись съ отрядомъ мимо Каладжипской горы и, переправясь почью чрезъ Лабу, должны были обогнуть мирные бесленевскіе аулы. Когда стали подниматься на Ахметовскую гору, то убѣдились, что для артилеріи подъемъ былъ труденъ, а между тѣмъ время приближалось къ разсвѣту. Генералъ Зассъ, видя невозможность достигнуть аула до зари со всѣмъ отрядомъ, поручилъ командиру Кубанскаго казачьяго полка идти съ кавалеріею на рысяхъ, и приказалъ, если бы кавалерія опоздала придти къ разсвѣту, во всякомъ случаѣ взить тамовскій аулъ и сжечь до основанія. Самъ же генералъ Зассъ долженъ былъ идти вслѣдъ съ пѣхотою и обозомъ. По переходѣ чрезъ гору, казаки пошли на рысяхъ по долині, тянувшейся верстъ на десять по Лабѣ, до тамовскаго ущелья, гдѣ расположенъ былъ аулъ. Когда прошли половину пути, стало разсвѣтать. Проводникъ сказалъ: «смотрите, раздадутся выстрѣлы караула, и мы будемъ открыты». Выстрѣловъ однако не было; но въ правой сторонѣ, на полугорѣ,

близъ рѣдкаго лѣса, стояло человекъ десять верховыхъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ отделился и во всю прыть пустился къ намъ. Заскакавъ впередъ и остановясь, онъ спросилъ: «гдѣ Зассъ»? Ему отвѣчали, что онъ остался при пѣхотѣ и слѣдуетъ недалеко.—«Кто же старшій»?—«Полковникъ Р.»—«Я его по знаю», сказалъ горецъ. Разговоръ происходилъ на кабардинскомъ нарѣчьи чрезъ переводчика. Горцы сказали, что бесленевскій приставъ тутъ. «А, это молодой джигитъ! я его знаю по отзыву бесленевцевъ: гдѣ онъ»? Бесленевскимъ приставомъ былъ я. Горецъ сталъ со мною говорить по-пагайски, спрашивая куда мы скачемъ? Я отвѣтилъ, что идемъ взять тамовскій аулъ.—«Вы опоздали и не возьмете внезапно, а встрѣтите ружейные выстрѣлы и найдете только пустыя сакли, которыя стыдно жечь, жители же и имущество скрыты. Надъ Зассомъ будутъ смѣяться за такой набѣгъ. Лучше ступайте за мною, я покажу вамъ кизилбековскій аулъ, и вы его возьмете». Полковникъ Р. не зная на что рѣшиться. Тогда незнакомецъ добавилъ: «я у васъ въ рукахъ и боюсь измѣны нечего». Мы повертели всю кавалерію направо и пошли на гору мелкою рысью.

Незнакомецъ былъ весь закутанъ въ башлыкъ и бурку; видѣлись только одни быстрые глаза. Онъ ѣхалъ впередъ, понукая насъ двигаться скорѣе. Мы перевалили гору, вошли въ лѣсъ. Проѣхавъ еще съ версту, таинственный проводникъ указалъ намъ аулъ, хлопнулъ лошадь пагайкой и исчезъ въ лѣсу.

Мы ринулись на аулъ съ крикомъ «ура» и, захвативъ жителей въ совершенный распλοхъ, взяли пятнадцать человекъ въ плѣлъ, табунъ лошадей, рогатый скотъ, овецъ и всю домашнюю рухлядь, зажгли аулъ и стали отступать. Изъ двухъ сотенъ спѣшившихся казаковъ составила цѣпь. Горцы, оправясь отъ внезапнаго страха, собрались въ массы и начали наѣдать на казаковъ, выступавшихъ изъ пылающаго аула. Между нападавшими всѣ мы увидѣли нашего таинственнаго проводника, который первый лѣзъ на выстрѣлы и руководилъ прочими. Когда отрядъ началъ выходить изъ лѣсу на чистое мѣсто, непріятель съ гикомъ нѣсколько разъ бросался въ шашки. Цѣпь остановилась и должна была всѣми силами держаться въ лѣсу. Между тѣмъ, генералъ Зассъ, двигавшійся въ это время съ пѣхотою и артилеріею, услышавъ частые выстрѣлы въ противоположной отъ него сторонѣ, взялъ одну роту и почти бѣгомъ пришелъ на помощь. Чтобы вывести изъ лѣса казаковъ, Зассъ лично, верхомъ на лошади, повелъ къ лѣсу пѣхотную цѣпь. Горцы, увидя самого генерала Засса на бѣлой лошади, бросились къ опушкѣ и сдѣлавъ нѣ-

сколькo выстрѣловъ залпомъ. Зассъ вдругъ повернулъ лошадь и, отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, сказалъ, что онъ раненъ въ животъ и, кажется, на вылетъ. Мы бросились къ нему, ссадили съ лошади и стали снимать ремешный поясъ; но пряжка была согнута, такъ что принуждены были обрѣзать ремень. Разстегнувъ череску и шубку, увидѣли, что раны не было и только тогда всѣ вздохнули свободнѣе. Оказалось, что пуля попала прямо въ поясную серебряную пряжку, и потомъ рикшетомъ въ лѣвую руку повыше кисти. Генералъ Зассъ полагалъ, что онъ прострѣленъ насквозь, сколько потому, что почувствовалъ сильный ударъ въ животъ, столько и потому, что, когда пощупалъ лѣвою рукою спину, увидѣлъ кисть руки въ крови. Убѣдясь, что рана пустая, баронъ Зассъ вынулъ ножъ изъ-подъ кинжала, самъ вырѣзалъ пулю и, перевязавъ рану носовымъ платкомъ, сѣлъ на своего бѣлаго коня и поскакалъ опять въ бой.

Между тѣмъ цѣпь вышла изъ лѣсу; горы на открытой мѣстности прекратили преслѣдованіе, и мы отступали къ Лабѣ, гдѣ расположились бивуакомъ на отдыхъ. Баронъ Зассъ, чувствуя сильную боль и опухоль въ рукѣ, легъ на постель въ разбитой для него калмыцкой кибиткѣ. Когда полковникъ Р. разсказалъ Зассу случай о таинственномъ проводникѣ, которому обязаны удачнымъ исходомъ набѣга, баронъ никакъ не могъ догадаться кто бы это былъ. Здѣсь кстати замѣтить, что послѣ жаркаго боя непокорные горы присылали всегда къ Зассу просить дозволенія побывать у него для знакомства и для переговоровъ по разнѣмъ плѣнныхъ, въ дѣйствительности же для того, чтобы имѣть случай поглазѣть. Въ этотъ разъ, въ числѣ прочихъ прибылъ къ Зассу кабардинскій князь Джембулатъ Атажукинъ, котораго генералъ очень уважалъ за храбрость и нѣсколько разъ посылалъ къ нему съ предложеніемъ покориться и переселиться съ ауломъ къ мирнымъ кабардинцамъ; поэтому Зассу пріятно было видѣть у себя храбраго князя. Всѣ князя и высшее дворянство пріѣхали поздравить Засса съ получепною ранюю, такъ какъ раны вообще считаются у горцевъ большою честью.

Атажукинъ, познакомившись лично съ генераломъ и посидѣвъ у него, попросилъ позволенія переговорить наединѣ; всѣ бывшіе въ кибиткѣ вышли. Оставшись вдвоемъ, Джембулатъ Атажукинъ спросилъ генерала, доволенъ ли онъ экспедиціею. Зассъ отвѣтилъ, что не совсѣмъ, потому что онъ желалъ наказать тамовцевъ, но вмѣсто нихъ неожиданно попались князѣбековцы. «Послѣднимъ успѣхомъ, впрочемъ», прибавилъ генералъ, «я обязанъ тайному лицу, которое, вѣроятно, мнѣ, по чувству, хорошій пріятель». Атажукинъ показалъ видъ,

будто удивился, слыша такой рассказ. Потомъ спросилъ: «Кого же изъ горцевъ генералъ подозрѣваетъ въ этомъ благородномъ поступкѣ, доказывающемъ уваженіе къ храброму полководцу»? Зассъ отвѣчалъ: «Никого больше, какъ одного тебя, и тебя долженъ благодарить за успѣхъ». Тогда Атажукинъ сознался, что это дѣйствительно былъ онъ, и прибавилъ: «Ты и не долженъ былъ въ этомъ сомнѣваться; я слишкомъ чту твою храбрость и не желалъ допустить тебя до промаха и этимъ дать случай злымъ языкамъ посмѣяться на счетъ твой. Впрочемъ, я увѣренъ, и ты бы со мною также поступилъ».

Возвращаясь съ отрядомъ, на р. Тегеняхъ устроили охоту за кабанми. Зассъ, какъ страстный охотникъ, несмотря на рану, также сталъ съ ружьемъ близъ лѣсна, а сзади его, недалеко, верхомъ, стоялъ Каримъ-Хадиль. Вдругъ раздался крикъ: кабанъ! кабанъ! И дѣйствительно, кабанъ вышелъ прямо на генерала и бросился на него. Зассъ, владѣя одною рукою, не успѣлъ прицѣлиться и хотѣлъ ружьемъ отстранить отъ себя звѣря, но кабанъ ударилъ по ружью, выбилъ его и, поваливъ самого Засса, ударилъ клыкомъ два раза. Каримъ-Хадиль мгновенно бросился и, выстрѣломъ изъ ружья, убилъ звѣря почти на генералѣ. Къ счастью, Зассъ, какъ всегда, былъ одѣтъ по черкески: на немъ была черкеска, шубка, покрытая шелковою матеріею, и шелковый бешметъ. Вслѣдствіе этого, клыкъ могъ только прорѣзать платье и сдѣлать неглубокую рану на правой ногѣ, выше колѣна; у ружья же шомполъ чернаго дерева и стволъ были разсѣчены.

Теперь расскажу два случая съ княземъ Джембулатомъ Атажукинымъ, который такъ уважалъ Засса и пользовался взаимнымъ уваженіемъ послѣдняго. Это я дѣлаю для большаго ознакомленія съ умѣньемъ барона Засса оцѣнивать людей по личному достоинству, а не по связямъ и протекціямъ. Послѣ знакомства Джембулата съ генераломъ Зассомъ на Лабѣ, первый вскорѣ добровольно покорился: онъ прибылъ къ Зассу, прося его дозволить переселиться со всѣми непокорными кабардинцами на р. Теберду близъ Кубани, при чемъ просилъ также о возвращеніи изъ Большой Кабарды родовыхъ своихъ крестьянъ, оставшихся послѣ набѣга отца его за Кубанью. Зассъ обѣщалъ просить объ этомъ генерала Вельяминова и предложилъ вмѣстѣ поѣхать въ Ставрополь; но Атажукинъ, какъ горецъ, не понимая для чего онъ долженъ быть въ Ставрополѣ, сказалъ: «я никогда въ немъ не былъ и другаго генерала не знаю, а прошу тебя, если возможно, исполни мою просьбу». Зассъ долженъ былъ растолковать въ чемъ дѣло, что есть старше его, отъ ко-

го выполненіе его просьбы будетъ непосредственно зависѣть. Джембулатъ согласился, сказавъ: «поѣдемъ, если это для тебя нужно». Время было зимнее. Подали розвальни, заложенные пятерникомъ; сѣли Зассъ, Джембулатъ и переводчикъ; двадцать пять узденей Атажукппа должны были конвоировать ихъ верхами до Ставрополя. Проѣхавъ полдороги, перемѣнили лошадей и поѣхали дальше; казаковъ въ конвой Зассъ не бралъ, чтобы этимъ показать болѣе довѣрія своему повому пріятелю. Когда выѣхали на ставропольскую гору, то уже смеркалось, а между тѣмъ поднялась метель; ямщикъ вскорѣ сбился съ дороги, началъ ворочать лошадей туда и сюда; наконецъ объявилъ, что ѣдетъ безъ дороги.

Зассъ, находясь между горами конвой Атажукппа, не желалъ дать имъ понять, что они сбились съ дороги, тѣмъ болѣе, что помочь этому они не могли. Однако Джембулатъ поплъ въ чемъ дѣло, спросилъ Засса и, убѣдился, что дѣйствительно сбились со дороги, чрезъ переводчика приказалъ ямщику остановиться. Вставъ на сапяхъ, онъ посмотрѣлъ во все стороны, позвалъ своего узденя Ислама и приказалъ ему взять человѣкъ двѣнадцать, скакать по направленію бокового вѣтра, найти лѣсокъ и, оставивъ тамъ четырехъ человѣкъ, отыскать дорогу, которая должна находиться верстахъ въ трехъ отъ лѣска; оставивъ и тамъ тропхъ, дать сигналъ. Исламъ съ горами поскакалъ; переводчикъ передалъ Зассу все распоряженія.... Часа чрезъ два послышался сигналъ; конвой, оставшійся у сапей, отвѣтилъ тѣмъ же. Исламъ прискакалъ съ товарищами и передалъ, что дорога отыскапа. Повернули сапи и поѣхали за Исламомъ, который вскорѣ подалъ голосъ и получилъ вдали отвѣтъ. Приблизились къ первому посту, потомъ ко второму и выбрались на дорогу.

Въ часъ ночи, Зассъ уже сидѣлъ съ купакомъ Атажукппымъ въ теплой комнатѣ. Обогрѣвшись, Зассъ сказалъ:—«Послушай Джембулатъ, ты въ словѣ вѣренъ, а меня обманулъ». Тотъ, вскочивъ со стула, спросилъ: «Когда и въ чемъ»? Зассъ сказалъ ему: «Помнишь-ли, когда я спросилъ, передъ выѣдомъ съ Кубани: былъ-ли ты въ Ставрополѣ, ты отвѣчалъ отрицательно, между тѣмъ, ты же мепя доведъ до города». Атажукппъ откровенно отвѣчалъ: «Я сказалъ истинную правду: зачѣмъ я буду въ городѣ? въ предмѣстьяхъ же его я по педѣлямъ живалъ, выжидая хорошихъ добычъ». Онъ былъ правъ, и Зассъ, подавъ руку, извинился.

Другой случай. Беслепеевскій князь Арсламбекъ Шелоховъ, красивый молодой человѣкъ, довольно богатый и вполне лихой наѣзникъ, засваталъ за себя дочь умершаго весьма почтеннаго набар-

динскаго князя Касаева, которая воспитывалась въ Тахтамышевскомъ аулѣ. Собравъ для поѣзда до ста узденей, онъ долженъ былъ выѣхать изъ дома за невѣстою. Аулъ его находился на Тегеняхъ, отъ Тахтамыша верстахъ въ ста двадцати пяти. Приѣхавшіе съ Лабы къ Джембулату гости, въ числѣ повостей, рассказали о поѣздѣ Шелюхова за невѣстою. Хозяинъ, вскочивъ съ мѣста, сердитымъ голосомъ возразилъ:—«Этого быть не можетъ! я не вѣрю, чтобы дочь кабардинскаго князя, и притомъ такого достойнаго человѣка, могла выйти за бесленеевскаго князя. Этому по бывать!» Но гости увѣрили, что, чрезъ нѣсколько дней, должна состояться свадьба, и Аджихамъ (имя невѣсты) будетъ женою Арсламбека Числохова. Джембулатъ въ азартѣ отвѣчалъ:—«А я все-таки вамъ говорю, что этому не бывать, и я не допущу, чтобы дочь моего покойнаго друга Касаева вышла за бесленеевца: она должна быть за кабардинскимъ княземъ, и будетъ за нимъ».

Нѣкоторые изъ гостей подсмѣивались, но Джембулатъ былъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи; онъ немедленно послалъ собрать около сотни своихъ узденей, и съ ними ночью отправился къ Тахтамышевскому аулу, который находился на правой сторонѣ рѣки Кубани, верстахъ въ десяти отъ баталпашинской станицы. Остановясь на дорогѣ въ скрытномъ мѣстѣ, Джембулатъ сталъ караулить поѣздъ съ невѣстою Арсламбека, который, услыхавъ безразсудное намѣреніе Атажукипа, хотя и не довѣрялъ слухамъ, но, въ видѣ благоразумной предосторожности, призналъ болѣе безопаснымъ провезти свою невѣсту на лѣвый берегъ Кубани ночью. Не доѣзжая еще версты три до Кубани, на нихъ неожиданно гикнули кабардинцы, выстрѣлили, и прямо бросились на арбу, гдѣ сидѣла княжна, вынули ее, посадили на лошадь и помчались за Кубань. Бесленеевцы, съ своей стороны, отвѣчали нѣсколькими выстрѣлами по кабардинцамъ; по неожиданности, быстрота нападенія и темноты ночи дали возможность послѣднимъ скрыться безъ преслѣдованія.

Атажукинъ, прибывъ въ свой аулъ, на рѣку Теберду, съ невѣстою Арсламбека, на другой же день выдалъ ее замужъ за своего родственника, князя Кайсыпа, молодого, красиваго человѣка.

Злоба и тайная месть долго тлѣли въ душѣ Арсламбека и всѣхъ бесленеевцевъ, однако удобнаго случая отмыстить не представлялось, тѣмъ болѣе, что за Атажукипа вступился бы генералъ Зассъ. Спустя годъ послѣ отъѣзда съ Кавказа барона Засса, бесленеевцамъ удалось достигнуть своей цѣли. Въ августѣ или сентябрѣ 1843 года, Атажукинъ, съ тридцатью узденями, ѣздивъ по дѣламъ за рѣку

Бѣлую п, возвращаясь, остановился на рѣкѣ Тегеняхъ, въ виду аула бесленеевцевъ, покормить лошадей и сдѣлать помазъ. Одинъ бесленеевецъ, набравши сѣна на арбу, везъ его мимо отдыхающихъ, узналъ Атажукпина и, по прибытіи въ аулъ, на вопросъ толпы, собравшейся отъ нечего—дѣлать около своего князя, не знаетъ-ли кто отдыхаетъ близъ аула? насмѣшливо отвѣчалъ: — «Развѣ не знаете кто?... Тотъ самый джигитъ, который отнимаетъ у нашихъ князей пѣвѣсть, а теперь вѣроятно пріѣхалъ и за женами». Аулъ принадлежалъ Арсламбеку Шелохову. Попятно, что слова бесленеевца болѣзненно поразили прямо въ сердце князя Арсламбека. Опъ въ бѣшенствѣ закричалъ: «лошадь!», вбѣжалъ въ саклю, схватилъ оружіе, сѣлъ на копя и поскакалъ къ дерзкому врагу. За нимъ вслѣдъ, собравшись на-скоро, полетѣли человѣкъ пять; другіе присоединялись постепенно. Джембулатъ, увидѣвъ несшихся къ нему бесленеевцевъ, догадался съ кѣмъ' долженъ встрѣтиться. Сѣвъ на копя, опъ приказавъ уздеямъ не выѣшиваться, выхватилъ ружье и ожидалъ Шелохова. Арсламбекъ наскочилъ и почти въ упоръ выстрѣлялъ, но промахнулся; Джембулатъ же своимъ выстрѣломъ уложилъ противника на-попалъ. Въ это время уздени Арсламбека сдѣлали залпъ и убили храбраго Джембулата. Болѣе не было ни одного выстрѣла. Уздени каждаго изъ убитыхъ, взявъ своего князя, разѣхались по домамъ. Такъ кончилъ свою жизнь весьма замѣчательный человѣкъ по уму, храбрости и большому вліянію на закубанскихъ кабардинцевъ. Имя Джембулата до сего времени чтится всѣми кабардинцами.

Вліяніе генерала Засса на абадзеховъ было весьма сильное. Опъ всегда старались занскивать расположеніе его, а многіе искали и дружбы. Нѣкоторые изъ нихъ искренно были преданы Зассу, въ особенности жители ближайшихъ ауловъ за рѣкою Бѣлою. Последніе были всегда въ тайныхъ сношеніяхъ съ Зассомъ.

При наступленіи каждаго лѣта, когда начинаются полевая работа, абадзехи въ особенности страшились зассовскихъ набѣговъ, а потому принимали всѣ предосторожности; старшины же пріѣзжали къ баропу Зассу для переговоровъ о мирѣ. Но такіе переговоры ни къ чему не вели; постоянно являлись разныя недоразумѣнія относительно окончательныхъ условій мира; всегда выходило, что какой-нибудь вопросъ абадзехскій народъ упустилъ изъ виду, а между тѣмъ обстоятельство такъ важно, что сами старшины не могли рѣшить и, слѣдовательно, пужно возвратиться и, собравъ народъ, испросить рѣшеніе. Цѣль этихъ переговоровъ очевидна: необходимо

было выиграть время, чтобы собрать сѣно и хлѣбъ и свезти въ лѣсистыя, неприступныя ущелья. Генералъ Зассъ отлично понималъ хитрость абадзеховъ, давалъ слово не дѣлать набѣговъ, съ тѣмъ, чтобы и абадзехи поступали также точно. Затѣмъ, оставивъ на службѣ самое необходимое число казаковъ, прочихъ распускалъ для уборки своихъ полей и сѣнокоса.

Когда кончались полевые работы въ стаплицахъ, баронъ Зассъ немедленно объявлялъ абадзехамъ, что вести переговоры съ ними не хочетъ, какъ съ людьми неперемѣнными въ своемъ словѣ, старшинъ ихъ болѣе принимать не будетъ, а постарается наказать примѣрно за ложь и обманъ. Между тѣмъ, собранные въ разныхъ пунктахъ отряды уже готовы; выжидается только прибытіе лазутчика, и маршъ за Лабу....

Здѣсь разскажу кстати анекдотъ по случаю пріѣзда къ барону Зассу абадзеховъ для нескончаемыхъ переговоровъ о мирѣ.

Во время набѣговъ пашихъ въ горы, часто снимались разные виды офицерами умѣвшими рисовать, и картинки эти, на которыхъ были изображены аулы съ окрестностями, вставлялись потомъ въ папораму. Генералъ Зассъ, разговаривая одинъ разъ съ абадзехами, упрекнулъ ихъ въ неискренности, и замѣтилъ, что знаетъ всѣ ихъ мысли и чего они желаютъ, даже знаетъ, что въ аулахъ дѣлается, кто теперь дома и кого пѣтъ. «Хотите, я вамъ покажу абадзехскій аулъ, хоть, напримѣръ, старшины Мисербія; кстати, вы говорите, что онъ дома, а на мой вопросъ въ аулѣ сказали, что его пѣтъ». Зассъ зпалъ это отъ лазутчика.

За картиною былъ посаженъ переводчикъ, который долженъ былъ отвѣчать на вопросы. Подвели абадзеховъ къ стеклу, вѣрзациому въ дверь небольшой комнаты; картина была освѣщена, на ней былъ изображенъ большой видъ. Абадзехи одинъ за другимъ взглянули въ стекло и, увидѣвъ дѣйствительно аулъ Мисербія съ его окрестностями, отскочили съ ужасомъ, а одинъ изъ нихъ добавилъ: «представьте, даже и мухи живыя лезятъ по стѣпѣ сакли».

Зассъ предложилъ старшинѣ Шемопокову спросить: дома-ли Мисербій? Шемопоковъ подошелъ къ стеклу, взглянулъ еще разъ и спросилъ: «дома Мисербій? Глухой голосъ отвѣчалъ: «Мисербія дома нѣтъ—онъ уѣхалъ къ такому-то». Абадзехи оковчательно растерялись и ни за что не согласились смотрѣть болѣе въ папораму, говоря, что только черти могутъ переносить ихъ аулы къ Зассу.

Возвращаясь въ свои общества, горцы готовы были подъ присягою удостовѣрить дѣйствительность переноса шайтаномъ всѣхъ

ихъ ауловъ къ Зассу. «Потому-то онъ врасплохъ и нападаетъ на наши сборища и аулы, что видитъ гдѣ есть караулы, а гдѣ ихъ нѣтъ; слѣдовательно съ такимъ человекомъ ничего не подѣлаешь».

Когда баронъ Зассъ, своими набѣгами, отодвинулъ непокорные аулы на такое разстояніе отъ кордона, что не было возможности отрядамъ доходить до нихъ въ одну ночь, тогда первая ночь употреблялась на движеніе къ рѣкѣ Лабѣ. На день отрядъ останавливался бивуакомъ въ лѣсу, непремѣнно въ крутой балкѣ; огни не разводились, шумъ и громкіе разговоры строго воспрещались. Конные резервы изъ dobroкошныхъ, держа поводья въ рукахъ, сидѣли на-сторожѣ; часовые въ буркахъ, посаженные на деревьяхъ или на какой-нибудь горной возвышенности, смотрѣли вокругъ лагеря. Если замѣтитъ горцевъ, которые могутъ открыть отрядъ, то резервъ садится на лошадей и выжидаетъ приближенія хищниковъ; по сигналу же часового, вылетаетъ изъ лѣсу или ущелья, и непріятелю спасенія нѣтъ: всѣхъ заберутъ въ плѣнъ или перебьютъ. Затѣмъ резервъ возвращается на свое мѣсто. Когда солнце сядетъ, отрядъ вытягивается изъ скрытаго мѣста и идетъ далѣе.

Оттѣснивъ непріятельскія племена отъ своего кордона, Зассъ началъ дѣлать набѣги къ нижнимъ абадзехамъ въ районѣ черноморскаго кордона. И тутъ, какъ всегда и вездѣ, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ движеній, абадзехи отодвинули свои аулы такъ далеко, что очень трудно было достигать до нихъ; тѣмъ болѣе, что они представляли на разныхъ пунктахъ дешные пункты и почные секретны, и нанмали отъ народа особую кордонную стражу. Между тѣмъ, баронъ Зассъ особенно желалъ, для примѣра, показать два абадзехскихъ аула за обманъ. Это было, если не ошибаюсь, въ январѣ 1838 года. Бдительность абадзеховъ такъ была велика, что оставалось только прибѣгнуть къ хитрости, которая могла бы усыпить ихъ осторожность.

Вотъ какимъ образомъ поступилъ баронъ Зассъ. Онъ предписалъ начальникамъ частей двинуться съ своими сотнями, чрезъ внутреннія стапцы, къ стапцѣ Усть-лабинской; пѣхота тоже должна была переходить поротно ночью изъ станицы въ станицу и остановиться въ усть-лабинскомъ форштатѣ. Въ это время разнесся слухъ, что баронъ Зассъ внезапно заболѣлъ; болѣзнь такъ быстро развилась, что онъ допускалъ къ себѣ только самыхъ близкихъ изъ горцевъ-кизеевъ и уздепей, принималъ ихъ лежа въ постелѣ въ полумрачной комнатѣ, блѣдный, изнеможенный, едва живой. Онъ метался головою то въ ту, то въ другую сторону, говоря несвязныя рѣчи. Само

собою разумѣется, что, во время короткихъ посѣщеній горцевъ, подчиненные принимали печальный видъ, ходили на ципочкахъ, шептались, прося гостей не тревожить больного лишними разговорами. Извѣстіе объ отчаянной болѣзни Засса быстро распространилось по горамъ. Абадзехи немедленно, на сборѣ, выбрали одного изъ вѣрныхъ товарищей Унарукова, и послали его тайкомъ вывѣдать всю истину и немедленно сообщить вѣрныя свѣдѣнія о Зассѣ. Унаруковъ пріѣхалъ въ мирный аулъ на Кубань, гдѣ Зассъ на походѣ заболѣлъ, и засталъ его умершимъ; гробъ уже былъ готовъ и внесенъ въ домъ; тамъ все суетились, охали и вздыхали. Горцевъ, являвшихся посмотреть умершаго, вводили въ полутемную комнату, гдѣ Зассъ лежалъ на постелѣ, покрытый простынею въ видѣ савана; три восковыя свѣчи тускло горѣли надъ изголовьемъ; гробъ, украшенный цвѣтами, стоялъ тутъ же. Мы все знали о мнимой смерти барона Засса; но, увидѣвъ его лежащаго съ закрытыми глазами, вытянувшись, съ сложенными па-крестъ руками на груди, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, готовы были забыть, что предъ нами лежитъ живой, здоровый человѣкъ. Одинъ молодой казачій офицеръ, только что поднявшійся отъ лихорадки, не выдержалъ и громко зарыдалъ, и чуть-было не испортилъ всего дѣла; мы вывели его почти въ безчувственномъ припадкѣ. Обстоятельство это еще болѣе укрѣпило въ горцахъ убѣжденіе въ истинной смерти Засса. Провожая князей и другихъ почетныхъ лицъ, мы просили ихъ, чтобы они предупредили всехъ близкихъ умершему генералу друзей и знакомыхъ о его смерти, по чтобы никто не ѣздилъ къ намъ дня два, потому что мы занимаемся, по нашей религіи, приготовленіемъ къ погребенію покойнаго, для чего ожидаемъ изъ Ставрополя другаго генерала, а когда все будетъ готово, то извѣстимъ всехъ, чтобы прибыли къ печальному церемоніалу.

Горцы уѣхали; баронъ Зассъ всталъ, и мы все отъ души смѣялись, вспоминая комедію, разыгрывавшуюся цѣлую недѣлю. Унаруковъ, удостовѣрившись въ смерти Засса, полетѣлъ съ извѣстіемъ за Бѣлую. Въ сборищѣ его приняли съ распростертыми объятіями, сдѣлали приличные подарки, собрали скота и барановъ для пиршества, празднующая смерть Засса. Между тѣмъ баронъ Зассъ, дождавшись ночи, сѣлъ на перекладную и отправился въ Усть-лабинскую станицу, переправляясь тамъ и къ вечеру, когда прибыли все войска, переправился за рѣку Лабу, потомъ чрезъ рѣку Бѣлую и на разсвѣтѣ захватилъ въ совершенный располухъ оба аула, расположенные одинъ отъ другаго не въ далекомъ разстояніи. Когда сдѣлалась повсемѣст-

ная тревога, отрядъ уже покопчилъ свое дѣло: забралъ плѣнныхъ, рогатый скотъ, барановъ и имущество, аажегъ аулы и отступалъ.

Извѣстіе о разграбленіи ауловъ достигло до пировавшаго пакапунѣ сборища абадзеховъ и, какъ громомъ, поразило ихъ. Долго они не хотѣли вѣрить, чтобы умершій Зассъ могъ опять явиться къ нимъ какъ спѣгъ на голову; однако, слыша выстрѣлы изъ орудій, бросились догонять отрядъ, но уже была поздно: отрядъ былъ на переправѣ чрезъ рѣку Бѣлую, и часть передовыхъ войскъ заняла правый берегъ. Несмотря на то, что генераль Зассъ торопился отступить, отрядъ имѣлъ жаркое дѣло и немалую въ этотъ разъ потерю, потому что абадзехи покаясь или умереть, или уничтожить отрядъ и не допустить самого шайтана Засса ускользнуть изъ ихъ рукъ.... Клятва горцевъ не сбылась. Отряды барона Засса всегда бывали малочисленные, но состояли изъ людей опытныхъ въ партизанской войнѣ. Не только всякій отдѣльный пачальникъ, но всякая отдѣльная часть сама знала что ей дѣлать. Довольно было услышать условленный сигналъ, чтобы въ точности и съ быстротою его выполнить. Зассъ, какъ руководитель, появлялся лично на самыхъ опасныхъ пунктахъ, гдѣ присутствіе его было болѣе необходимо. Въ дѣлѣ онъ никогда не слѣзалъ съ лошади: въ лѣсу-ли, въ цѣпи-ли, всюду на конѣ. Онъ почти всегда самъ вводилъ въ лѣсъ цѣпь и выводилъ ее обратно, а при отступленіи отряда постоянно оставался въ арьергардѣ. Во время описываемаго отступленія нашихъ войскъ отъ Лабы, арьергардъ нѣсколько разъ долженъ былъ вступать въ рукопашный бой съ разъяренными непріятелемъ. Генераль Зассъ, въ одномъ изъ пачисковъ горцевъ, повелъ противъ нихъ въ атаку четыре сотни казаковъ и, врѣзавшись въ непріятеля, своеручно срубилъ нѣсколькихъ абадзеховъ, бѣжавшихъ пѣшкомъ къ лѣсу, но тутъ же самъ былъ раненъ въ упоръ изъ пистолета въ ногу, выше колѣна. Къ счастью, пуля слегка повредила кость и впиалась въ сѣдло. Только возвратясь къ отряду, баронъ Зассъ сказалъ, что онъ раненъ. Мы сняли его съ лошади, увидѣли, что сапогъ былъ полонъ крови, и перевязали рану. Арьергардъ еще не выходилъ изъ огня, а между тѣмъ слышенъ былъ шумъ въ цѣпи. Я поскакалъ туда узнать что дѣлается и увидѣлъ, что горецъ, спявъ шапку, бѣжитъ прямо на пашу цѣпь. Я подскочилъ ближе и не приказалъ стрѣлять. Абадзехъ упалъ къ моей лошади, прося довести его до барона Засса. Такъ какъ мы еще отступали, то я поручилъ вести его при сотиѣ, самъ же успѣшилъ доложить гене-

ралу. Когда остановились на отдыхъ и непріятель отсталъ, Зассъ потребовалъ къ себѣ прибѣжавшаго абадзеха, который, подойдя къ лежавшему на буркѣ генералу, припалъ къ ногамъ его и сказалъ: «Ты нынѣ утромъ захватилъ въ плѣнъ моего роднаго брата при барапахъ; насъ только двое и я не могу безъ него жить, возьми и меня или отпусти брата». Зассъ спросилъ имя его брата и послалъ къ плѣннымъ привести его. Въ этомъ дѣлѣ захвачено было въ плѣнъ до полутора ста человѣкъ. Когда привели плѣннаго, и тотъ увидѣлъ, что и братъ въ плѣну, бросился обнимать его и спросилъ:—«Какъ! и ты, братъ, попался въ плѣнъ къ гюрамъ?»—«А, милый братъ, не попался, по, узнавъ что ты въ плѣну, пришелъ самъ къ тебѣ; ты знаешь, что я не могу безъ тебя жить». Тотъ отвѣчалъ:—«Благородный мой другъ и братъ! что ты сдѣлалъ? Зачѣмъ самъ себя предалъ страшной певолѣ, и кто насъ выручитъ, да и будемъ-ли мы вмѣстѣ!» Слыша этотъ разговоръ, генералъ Зассъ приказалъ имъ обоимъ подойти къ себѣ и сказалъ плѣнному:—«Твой братъ сдѣлалъ благородный поступокъ, который уважается не менѣе васъ и гюрами». Потомъ, обратясь къ второму, далъ ему шесть золотыхъ и сказалъ:—«Люби твоего брата и вѣрь, что благородное чувство не останется безъ награды, а теперь возьми его и ступай домой». Нужно было видѣть радость обонхъ братьевъ: они бросились цѣловать руки и ноги раненому Зассу и, поклонившись на всѣ стороны, отправились къ рѣкѣ Бѣлой, гдѣ сборище абадзеховъ встрѣтило ихъ разными вопросами. Узнавъ отъ нихъ, что баропъ Зассъ раненъ, старшины прислали просить дозволенія пріѣхать въ лагерь, что и было дозволено. Уздени, поздравивъ генерала съ рапою, благодарили его за отпущенныхъ братьевъ, сказавъ, что воскресеніе его изъ мертвыхъ слишкомъ было ощутительно для нихъ, по они не сердятся на него: «Такъ насъ, глупыхъ, и слѣдовало проучить, во-первыхъ за то, чтобы не довѣряли слухамъ, а во-вторыхъ, не радовались бы чужой смерти; по предупреждаемъ тебя—прибавили горцы—что мы постараемся отплатить тебѣ тѣмъ же». Зассъ только просилъ ихъ повременить съ мѣсяцъ, а то опъ не въ силахъ будетъ самъ достойно принять дорогихъ гостей. Гости улыбулись, и уѣхали обратно.

Дѣйствительно, осенью того же года, горцы соединились въ огромное сборище, предположивъ взять стапцу Усть-лабинскую, или Воронешскую. Лазутчики извѣстили объ этомъ тотчасъ послѣ рѣшенія старшинъ. Генералъ Зассъ, сдѣлавъ немедленно распоряженіе стянуть войска въ Усть-Лабѣ, прибылъ и самъ туда для дальнѣйшихъ ра-

спорилеиѣ. Онъ оставилъ резервъ въ станицѣ Ладовской, такъ какъ туда чрезъ почъ могла достигнуть партія; въ Усть-Лабѣ помѣстилъ большую часть кавалеріи и роту пѣхоты; другая часть кавалеріи и рота пѣхоты была поставлена въ станицѣ Воропежской. Между тѣмъ внимательно слѣдилъ чрезъ своихъ лазутчиковъ за движеніемъ непріятельскаго сбора. Такъ продолжалось нѣсколько дней; наконецъ разъ, поздно вечеромъ, лазутчикъ далъ знать, что партія горцевъ, видя, что мы готовы ихъ встрѣтить, рѣшилась напасть съ разсвѣтомъ на Васюрипскую станицу Черноморскаго Войска. Не довѣряя вполнѣ этому извѣстію, генералъ Зассъ послалъ все-таки нарочнаго предъувѣдомить генералъ-лейтенанта Завадовскаго, стоявшаго съ отрядомъ у Екатеринодара; самъ же передвинулъ часть своихъ войскъ въ станицу Воропежскую, а часть къ посту, находящемуся вблизи границы Черноморскаго Войска. На разсвѣтъ горцы дѣйствительно напали на станицу Васюрипскую. Когда былъ поданъ сигналъ, генералъ Зассъ съ кавалеріею немедленно двинулся на защиту атакованныхъ, приказавъ находящимся въ Усть-Лабѣ казакамъ переправиться чрезъ рѣку и скакать на перерѣзъ непріятеля за рѣку Бѣлую, вслѣдствіе гдѣ будутъ выстрѣлы.

Проскакавъ къ станицѣ Васюрипской, мы застали только самую небольшую часть партіи, которую тутъ же уничтожили, не допустивъ даже до Кубани, а посланные съ дороги прямо по Кубани три сотни успѣли захватить на льду еще многочисленныя толпы горцевъ. Завязалась перестрѣлка; въ это время подоспѣли остальные войска изъ станицы. Горцы, видя невозможность удерживаться долѣе на Кубани, быстро стали отступать; но казаки уже сидѣли на ихъ хвостѣ какъ пѣвки и, такимъ образомъ, задерживали шагъ за шагомъ отступленіе. Между тѣмъ, передовые абадзехи, увидя, что усть-лабинскіе казаки, проскакавъ болотистыя мѣста, неслись къ нимъ на перерѣзъ, закричали благимъ матомъ: «отступайте скорѣе, казаки впереди насъ!» Вотъ тутъ-то пужо было видѣть паническій страхъ горцевъ: они бросились всею массою по замерзшимъ, по едва державшимъ всадниковъ, болотамъ, къ лѣсному берегу рѣки Бѣлой; многія лошади, провалившись, вязли, и горцы должны были бѣжать пѣшкомъ, скрываясь въ лѣсъ. Болѣе мы не могли ихъ преслѣдовать по принципъ сильной усталости лошадей. Взятый въ станицѣ скотъ и нѣсколько плѣнныхъ были отбиты обратно; непріятель въ этотъ день потерялъ болѣе ста человекъ убитыми и до полутораста лошадей.

Генералъ Зассъ, сознавая необходимость выдвинуть впередъ ву-

банскую кордопную линію на рѣку Лабу, еще въ 1837 году представилъ на Высочайшее воззрѣніе, чрезъ корпуснаго командира барона Розена, проектъ заселенія казачьими станицами всего пространства отъ Тамовскаго аула до впаденія Лабы въ Кубань. Этимъ способомъ мы подвигались въ непріятельскія земли на сто верстъ и, кромѣ того, отнималась у покорныхъ ауловъ, лежащихъ между Кубанью и Лабой, возможность непрестанныхъ сношеній, а перѣдко и общихъ пабѣговъ на пастъ вмѣстѣ съ непокорными горами.

Проектъ удостоился Высочайшаго утвержденія въ концѣ 1839 года, а съ 1840 года начали поселяться станицы и устраиваться лабиская линія. Для этого прибыла на Лабу одна бригада 14-й дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Паскиса—Житомирскій и Подольскій полки. Въ это время пабѣги барона Засса повторялись рѣже. Онъ занялся устройствомъ станицъ и успѣлъ поселить станицы: Урупскую, Вознесenskую, Чамлыкскую, Лабискую и укрѣпленіе Темиргоевское, связавъ линію укрѣпленными постами; но такъ какъ просимыхъ средствъ для быстраго заселенія станицами лабиской линіи не получалось, то линія послѣ генералъ-лейтенанта Засса населялась весьма медленно.

1842 годъ былъ послѣднимъ годомъ пребыванія барона Засса начальникомъ праваго фланга кавказской линіи: въ концѣ этого года, онъ сдалъ должность генералъ-маіору Безобразову и уѣхалъ въ годовой отпускъ.

Георгій Атарщиковъ.